

О.К. КЛИМЕНКО

ЯЗЫКИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ
Languages in a globalising world / Ed. by Maurais J., Morris M.A. — Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 2003. — XV, 335 p.

Книга представляет собой коллективную монографию, посвященную судьбам языков в мире глобализации. Эпиграфом к ней послужили слова Д. Грэддолу: «В XXI в. произойдет основное потрясение в иерархии языков мира».

В работе Ж. Марэ «О новом языковом мировом порядке» рассматриваются основные события XX в., которые привели к изменению геостратегической ситуации в мире. К ним относятся объединение Германии; исчезновение коммунистического режима в Восточной Европе; распад СССР; кризис ООН; отмена апартеида в ЮАР; прекращение «тлеющих» войн в Сальвадоре, Никарагуа, Анголе, Афганистане и Камбодже; радикальные изменения в Эфиопии, Гайане, Чили; конец режима Мобуту в Конго-Заире; взаимное признание Израиля и Палестины; возрождение Китая и возвращение Китаю Гонконга и др. Все эти события привели к созданию экономических блоков и глобализации, а некоторые из них (например, такие, как распад СССР и конец апартеида в ЮАР) начали влиять на отношения между «крупными» языками. Автор изучает влияние некоторых из указанных событий на судьбы языков. Распад СССР привел к изменению спроса на иностранные языки в Центральной и Восточной Европе. Русский язык теряет свой статус *lingua franca* и начинает усту-

пать в основном английскому, но также и немецкому языкам. В Эстонии появляется потребность в знании шведского языка. Бывшие советские республики Азербайджан, Туркменистан, Казахстан, Узбекистан, Киргизия оказываются в сфере влияния Турции. В 1991 и 1992 гг. Турция запускает ряд программ, укрепляющих связи с этими новыми государствами, такие как спутниковое телевидение (вместо русскоязычного канала), телекоммуникационные системы, организация обучения в Турции банковских работников, дипломатов, бизнесменов и офицеров. Одновременно в бывшие советские республики направляются учителя для преподавания турецкого языка, создаются 2 тыс. совместных предприятий. Б.Н. Шлитер показывает быстрый рост влияния турецкого языка в Центральной Азии, но отмечает, что он еще не стал *lingua franca* в этом регионе. Определенные трудности для приобретения им этого статуса представляет отсутствие общего алфавита. Уменьшение роли русского языка проявляется не только в бывшем Восточном блоке, но и в США, где количество студентов, изучающих русский язык, упало на 44,6% с 1990 по 1995 г., та же тенденция отмечается и в Великобритании.

Конец апартеида в ЮАР создал благоприятные условия для распространения английского языка на юге Африки. Мирный переход от апартеида, более высокий уровень экономического развития по сравнению с другими африканскими государствами, богатые природные ресурсы, военная мощь, политическое руководство, состоящее из образованных представителей темнокожей и белой рас, делают ЮАР лидером англоязычной Африки, а может быть, и всей Южной Африки. Это влияет на положение французского языка во многих странах Африки.

Еще до выхода в свет данной книги был опубликован доклад, выполненный по поручению Британского совета Д. Грэдолом и посвященный будущему английского языка. В нем утверждается, что в XXI в. ни один язык не будет занимать такого же главенствующего положения, какое английский язык занимал в XX в. К середине XXI в. доминирующую роль будут играть несколько языков, к числу которых отнесены китайский, хинди/урду, английский, испанский и арабский. Автор считает необходимым отреагировать на это утверждение. При этом он обращает внимание на появление виртуального пространства, в котором функционируют языки, в отличие от географического, и подчеркивает необходимость принятия технических норм по компью-

терной обработке данных разных языков. В настоящее время идет работа по созданию Уникода, который обеспечит кодификацию 65 тыс. знаков и охватит все графические системы, используемые в мире. Конкуренция языков в виртуальном пространстве может привести к сужению географического пространства для некоторых языков. В эпоху компьютерных технологий малые языки могут пострадать в первую очередь, так как они не представляют достаточно выгодного рынка для компьютерных фирм и будут исключены из круга языков, для которых разрабатываются такие компьютерные программы, как голосовое распознавание или компьютерный перевод. В 1997 г. языками, занимающими заметное положение в Интернете, были в основном европейские языки и японский, в 2001 г. количество неанглоязычных пользователей Интернетом возросло и превысило число англоязычных пользователей. Однако автор полагает, что снижение рейтинга английского языка носит относительный характер, так как большинство неанглоязычных пользователей по крайней мере читают на английском. Отмечается, что для того, чтобы английский язык был вытеснен в сети Интернет другим языком, «критическая масса» пользователей должна достичь 2 млн.

Процесс глобализации и создания больших экономических блоков увеличивает потребность в знании языков. В странах Европейского союза отмечаются две тенденции: повсеместное использование английского языка и обучение небольшого количества людей ограниченному числу языков. Так как плюрилингвизм в Европе требует больших затрат (рынок переводческих услуг в 1997 г. оценивался в 3,75 млрд. евро), современные экономические структуры приветствуют использование одного доминирующего языка.

В работе «Геостратегия интерлингвизма» М. Фетт обращает внимание на то, что с конца XV в. развивалась лингвистическая политическая стратегия в тандеме с теорией наций и государства, которая была направлена на использование единственного языка в общественном управлении и образовании на всей территории одного государства или в пределах четко установленных границ. В XX в. приверженцы этой стратегии продолжали защищать старые национально-языковые монополии и стремились создать новые пути планирования основного словарного фонда и статуса языков. По мнению автора, эта стратегия больше не является адекватным инструментом проведения национальной политики. Национальные экономики стали гораздо более интегрированными в мировую экономику, капитал и рабочая

сила стали более мобильными, скорость технического прогресса невероятно увеличилась, началось активное развитие коммуникационных и информационных сетей. Каждое языковое сообщество встало перед необходимостью осознать свое положение в «динамичной мировой системе языков», характеризующейся широким диапазоном использования. Дальнейшая эволюция этой системы частично зависит от способов, используемых для передачи информации через языковые барьеры: они включают посредничество переводчиков (в том числе электронных), широкое распространение плюрилингвизма и использование *lingua franca* или языка с сильной политической и экономической базой, такого, как английский, или искусственного международного языка, такого, как эсперанто. Что касается плюрилингвизма, то Европейский союз уже сформулировал для каждого индивида универсальную задачу овладения тремя языками. Если эта идея получит распространение, это приведет к изменениям в национальной системе образования. Одни разновидности этой системы могли бы включить европейские региональные языки и языки национальных меньшинств, другие — язык иммигрантов или иностранные языки. При этом их распространение в политической сфере было бы гораздо более ограничено по сравнению с образовательной в результате сильной конкуренции со стороны английского языка как всемирного. Английский язык как широко распространенный второй язык мог бы стать языком межнационального общения, хорошо интегрируясь в образовательные и общественные структуры, не требуя при этом существенных затрат. Он мог бы функционировать в качестве единственного всемирного языка или наряду с другими языками в качестве «второго национального языка». Идея всемирного английского обладает большей популярностью, чем идея плюрилингвизма. В то время как плюрилингвизм ассоциируется с национальными культурами и «высоким» стилем общения, всемирный английский ассоциируется с международными рыночными отношениями и популярным, «демократическим» стилем. В эпоху глобализации английский язык проникает в повседневную жизнь и становится столь же привычным явлением, как стенд с газированными напитками или телевизор. В то же время он отличается возрастающей востребованностью в высококвалифицированных специальностях во всем мире, наибольшей распространенностью в качестве изучаемого иностранного языка, доминирующим положением в программах спутникового телевидения. Од-

нако внедрение всемирного английского может представлять еще большие сложности, чем установление плюрилингвизма. Автор обращает внимание на то, что среди стран, приближающихся к осуществлению модели всемирного английского, в первую очередь оказались Скандинавские страны и Нидерланды, наиболее близкие к англосаксонскому миру в языковом и культурном отношении. Хотя та ниша, которую занимает английский в мировой экономике, поп-культуре и большинстве национальных систем образования, вряд ли расширится до пределов статуса всемирного языка, эта идея, по мнению автора, будет продолжать оказывать влияние на национальные и региональные геостратегии. В результате в Европе наиболее вероятно сочетание «элитного плюрилингвизма» с так называемым «потребительским» английским. Такая ситуация может сложиться в любой точке мира, где национальные и региональные языки займут экономические, технические и культурные ниши, принадлежащие до этого английскому языку.

Автор обращает внимание на необходимость преодоления языковых барьеров в ситуации монолингвизма, которое становится возможным при наличии соответствующих инструментов. Технологизм, в частности использование автоматического перевода, рассматривается как один из способов преодоления языковых барьеров. Сегодня возможен перевод в системе *on-line*, пользование многими языками заложено в основных компьютерных программах, Интернет становится совместимым с каждым из письменных языков мира. Вслед за М. О'Хаган автор обращается к идее «телеперевода». Взаимосвязь переводчиков во всем мире со специалистами в различных областях знаний, многоязычной базой данных, системой машинного перевода и провайдерами телекоммуникационных систем вскоре сделает услуги «языковых посредников» доступными в любой точке земного шара по тарифам, доступным малым предприятиям и индивидуальным пользователям. Если телекоммуникация будет рассматриваться как основная услуга — расширение права на общение, — тогда национальные правительства и международные организации смогут обеспечить определенный уровень и инфраструктуру услуг для широкого круга языков. Телеперевод может быть ориентирован на определенные отрасли промышленности и небольшое количество языков, которые уже заняли основные ниши в экономике. Система телеперевода предположительно должна

уменьшить привлекательность «элитного плюрилингвизма» и усилить позицию всемирного английского.

У.Ф. Макей («Прогнозирование судьбы языков») полагает, что правильность прогнозирования судьбы того или иного языка зависит от учета демографических данных, выбора решающих факторов, использования метода экстраполяции современных тенденций и моделей, заимствованных из различных дисциплин. Значимость языка всегда определялась количеством людей, им пользующихся, которое обычно определялось по данным переписи населения. Однако в одних странах они содержат вопрос о языке, в других странах перепись или не проводится, или данные переписи не содержат вопроса о языке по экономическим или политическим причинам. Так, в Бельгии в 1962 г. был принят закон, запрещающий включение вопроса о языке в национальную перепись населения. Даже в странах, сохраняющих этот вопрос, он может варьироваться по форме и сути. Для миллионов людей язык, на котором они говорят, это не их родной язык, а язык, на котором они обучались в школе, обычно региональный, национальный или колониальный. Точность демографического прогнозирования распространения языка зависит от ответа на вопрос о пользователях языка, самом языке и стране. Что касается первого вопроса, то обычно число пользователей языком сводится к численности населения, при проведении переписи исходят из соответствия один человек — один язык, учитывая при этом «основной» язык. Даже в таких странах, как Канада и Индия, где в анкете содержится более одного вопроса о языке, респондент наделяется одним языком. Этот вопрос может не иметь значения для небольших стран с одним этносом, однако в других странах язык, на котором говорят миллионы людей, может не быть языком, выученным дома, языком их отца или матери или языком, ассоциируемым с их этническим происхождением. Например, согласно стандартному демографическому прогнозу (один человек — один язык) число говорящих на французском языке в середине XXI в. будет оставаться в пределах 70 млн. человек. При этом не учитывается, что число неносителей языка, говорящих на французском, превышает число носителей языка. С увеличением мобильности населения и исчезновением наций-государств мысль о том, что язык принадлежит людям, которые им пользуются, приобретает все больший смысл в современном мире. Все больше людей проводят свою жизнь вдали от родины. Во многих городах мира эмигран-

ты образуют свои сообщества, используя в общении свой национальный язык, создавая свои школы и средства массовой информации. Так образуются города внутри городов, каковыми, например, являются мексиканские, кубинские и пуэрто-риканские районы в Лос-Анджелесе, Майами и Нью-Йорке соответственно. Однако это испаноговорящее население не учитывается в переписи населения Мексики, Кубы и Пуэрто-Рико. Тенденция миграции населения, наметившаяся в XX в., продолжает расти. Число беженцев, иммигрантов, туристов, гастарбайтеров, иностранных студентов, пенсионеров-экспатриантов увеличивается с каждым годом. По официальным данным поток беженцев в 2000 г. насчитывал 42 млн. человек. Эмигранты составляют существенный процент населения в таких странах, как Австралия (23,4%), Канада (15,5%), Франция (10,4%), США (7,9%), Аргентина (5,2%). Часто неносители языка являются лидерами в области образования, коммерции, науки и литературы.

Распространение того или иного языка часто связано с такими факторами, как военная или экономическая мощь государства, его техническое и научное превосходство. При определении экономической мощи государства необходимо учитывать не только рост валового национального продукта, но и другие моменты, такие, как возрастающая скорость коммуникаций, мобильность населения, увеличивающаяся глобализация производства и потребления. Большое распространение получила идея связи экономического развития и распространения языка. В связи с глобализацией экономики необходимо принимать во внимание возрастающую роль экономических союзов и международных организаций, влияние транснациональных корпораций. Глобализация экономики может привести к различным психосоциальным отрицательным последствиям. Языковые меньшинства во всем мире требуют права быть услышанными на своем родном языке. Автор предполагает, что наступает период, который характеризуется не только свободой передвижения, но и требованием свободы культуры и протестом против гегемонии доминирующих языков. Негодование слышится и со стороны писателей и ученых во всем мире, которые, сталкиваясь с необходимостью представлять свои работы на международном языке, не находят идею всемирного английского очень привлекательной. Для прогнозирования будущего языков, в первую очередь английского как всемирного, используется метод экстраполяции, который заимствован из физики и биологии. К середине XX в. английский язык стал языком половины

журналов и газет, издававшихся в мире, $\frac{3}{4}$ почты и $\frac{3}{5}$ всех радиостанций. С этого момента и до конца XX в. эта тенденция продолжала набирать силу за счет экспорта фильмов, популярных песен, видеокассет, компьютерных программ и распространения Интернета. Автор задается вопросом, сохранится ли эта тенденция в дальнейшем. В этой связи исследуются различные сферы коммуникации.

Что касается языка компьютерных программ, то здесь использование языка привязано к технической монополии. Для того чтобы спрогнозировать будущее английского языка, автор обращается к историческому опыту, в частности, к судьбе и роли арамейского языка как международного, монополия которого пришла к концу, как только у таких языков, как иврит, арабский, этрусский и греческий, появилась своя письменность. По аналогии с данной исторической ситуацией автор считает маловероятным, что английский язык сохранит монополию в компьютерных технологиях. В 2000 г. в 80% случаев использовался английский язык только потому, что 90% всех компьютеров находилось в англоязычных странах. Заметно ослабление связи между английским языком и программным обеспечением. Намечается медленный, но упорный рост программного обеспечения, доступного на арабском, китайском, французском, немецком, итальянском, японском, русском и испанском языках. Предлагая модели функционирования языков, автор замечает, что ни одна языковая модель не в состоянии в полной мере передать многомерную и многофункциональную природу языковой динамики. В большинстве стран различные виды языка могут выполнять различные функции в различных сферах (образование (F1), работа (F2), религия (F3)) и в различных учреждениях (университеты (D1), суды (D2), правительство (D3)). Во многих странах два языка и два и более диалектов могут сосуществовать, что находит отражение в следующих моделях: $L1(F1, F2) + L2(F3, F4) + L3(F5, F6)$. В большинстве стран Северной Африки разговорный арабский, берберский, французский, английский и арабский Корана сосуществуют, выполняя различные функции в одном и том же сообществе. Необходимо создание модели, которая учла бы возможную динамику взаимодействия языков.

В работе «Языковая геостратегия в Восточной и Центральной Европе» (Ф. Фодор, С. Пело) отмечается, что до 1990 г. в Восточной и Центральной Европе при изучении иностранных языков предпоч-

тение отдавалось русскому языку. С распадом коммунистического режима в этих странах была проведена реформа в сфере образования. Авторы выделяют две группы стран, в каждой из которых прослеживается определенная тенденция в изучении иностранных языков. Первая группа включает Польшу, Чехию, Словакию и Венгрию, а вторая — Румынию и Болгарию. В странах первой группы большое значение придается изучению немецкого, который занимает ведущее положение в средней школе. Первая группа стран существенно отличается от большинства стран Европейского союза, где немецкий продолжает сдавать свои позиции в пользу английского. Во второй группе стран отдается предпочтение изучению французского языка. Однако статистика отражает при этом неуклонный рост роли английского языка и его выдвигание на второе место в Румынии и первое место в Болгарии. В целом во всех упомянутых шести странах возрастает количество изучающих английский язык. При этом русский язык, потеряв свои прежние позиции после 1990 г., борется в этих странах за третье или четвертое место после английского, немецкого, а иногда и французского языков. Немецкий язык сумел укрепить свои позиции и идет вслед за английским. Это происходит в основном благодаря внешним геополитическим, экономическим и историческим причинам. Несмотря на значительное распространение, французский язык так и не сумел преодолеть свое положение языка культурной элиты.

М.А. Моррис («Влияние интеграции в Северной Америке на языковое многообразие») изучает языковую ситуацию и тенденции ее развития в другом регионе — Северной Америке. Он отмечает, что в основном англоязычные Соединенные Штаты Америки, являясь мировой сверхдержавой и ведущим партнером в экономическом блоке Североамериканская зона свободной торговли, оказывают сильное влияние на укрепление позиций английского языка в этом регионе. Однако распространение английского языка отличалось неравномерностью и не вытеснило национальные языки ни в одной из стран в Северной Америке или за пределами США, включая страны Центральной Америки и Карибского бассейна. Автор подчеркивает, что, несмотря на то, что распространение английского языка набирает скорость, нельзя недооценивать факторы, противостоящие этому процессу в данном регионе. Примером такого противодействия служит Пуэрто-Рико, где продолжительная связь с материком могла бы

создать прекрасные условия для культурной и языковой ассимиляции. Сдерживающим фактором, остановившим распространение американской культуры и английского языка, оказался местный национализм. Другими примерами того, как национальная языковая политика поддерживает местные языки, ограничивая влияние английского, являются Мексика и канадская провинция Квебек. Языковая судьба латиноамериканцев в США не столь благополучна, так как ни на одном из уровней (муниципальном, региональном или федеральном) у латиноамериканского населения США нет большинства, которое могло бы контролировать языковую политику. Несмотря на то что латиноамериканцы как наиболее многочисленное национальное меньшинство приобретают силу в США, их количество недостаточно, чтобы узаконить статус испанского языка в стране. Одновременно миграционная политика США, ранее поощрявшая латиноамериканскую иммиграцию, стала более избирательной. Будущее испанского языка в США имеет значение не только для внутреннего положения в стране, но и за ее пределами. Позитивное или негативное влияние североамериканской интеграции на языковое многообразие зачастую непредсказуемо.

Роль другого крупного экономического союза — Меркосура в языковом развитии исследуется Р.Э. Хамелем в работе «Языковая политика Меркосура в Южной Америке». Меркосур, объединяющий четыре государства, имеющих давние устойчивые культурные и языковые связи, за короткий период своего существования выдвинул ряд предложений, продиктованных исторической инерцией политики «нация-государство», базирующейся на монолингвизме, культурной однородности и сегрегации от соседей, и желанием противостоять процессу интеграции. Автор подчеркивает, что нелегко переходить от планирования национальной идентичности, основанной на одном языке и культуре, к созданию «плюрикультурной», региональной идентичности, базирующейся на различных национальных, региональных, туземных и иммигрантских культурах, концентрирующихся вокруг испано-португальского двуязычия. Существуют различные внутренние и внешние силы, которые сопротивляются интеграции в Меркосуре под руководством Латинской Америки, а предпочитают панамериканскую интеграцию под эгидой США. Две прямо противоположные позиции в споре — поддерживающие английский язык или испано-португальское двуязычие —

могут замедлить процесс интеграции. Отличие Меркосура от других международных языковых сообществ, например франкоязычных, заключается в том, что интеграция и коммуникация строятся не на одном доминирующем языке, а на основе двух языков, которые одновременно имеют национальный, региональный и международный статус. Ситуация в Меркосуре дает возможность еще раз задуматься над существующими моделями языковой политики и осознать, что старые модели, основанные на «милитаристских» взглядах на пространство и территории, непригодны в эпоху глобализации и массовой миграции населения.